

«Каждый человек — творец своей судьбы» — справедливое высказывание.

Сотворил человек трудом великим, а то и подвигом свою судьбу, и сам этот факт заставляет нас встряхнуться, задуматься, так ли мы слабы и беспомощны, как порой привыкаем о себе думать, так ли мало нам дано, чтобы сделать свою жизнь счастливой.

Владимир Иванович Коленов — слепой.

В июле 1944 года в бою под Брестом все рвались вперед: до государственной границы рукой подать, доползти вон до тех высоток, выбить оттуда гадов, и все — освобождены, очистились. Верилось и не верилось, что довелось дожить до такого дня.

Но до тех высоток земля, как живое тело, пораженное оспой, была усеяна минами. Саперов не хватало, пе-

тот самый критический момент своей жизни. Мы сидим в его квартире в Волгограде. В этом городе он родился, вырос, из него, вернее, в нем, шагнул в войну. Война наложила печать на облик этого человека! Лицо покрыто потускневшими чернильными пятнышками взвешенной взрывчатки, немигающий взгляд чужеродных глаз никогда не сможет вам улыбнуться. Но при общении с этим человеком чувствуешь исходящую от него энергию, природу которой — сила духа, сознание своего человеческого достоинства, а главное — ощущение себя в развитии, в постоянном движении вперед, в душевной неуспокоенности, без которой, как без воздуха, не может существовать личность. И, только узнав его жизненный путь, понимаешь, сколько боли перенес он, какую моральную силу должен был воспитать в себе, чтобы достигнуть такой

ЧЕЛОВЕК РОЖДАЕТСЯ ДЛЯ

хотя сама под непрерывным огнем выковыривала эти стальные цилиндры, вздувшиеся, казалось, от тупого стремления убить. Сколько их «перенячил» старший сержант Коленов за два года на фронте — сам не упомянет. И в том бою пальцы с привычной трепетной дрожью поглаживали это свирепое творение рук человеческих, чтобы незаметно выдернуть у него смертоносное жало, лишить коварной силы. Пот струился по лбу, стекал на ресницы, застилал глаза. Коленов тряхнул головой, взглянул на близкие высотки: побыстрей бы доползти до вас, родные...

Взрыва он не услышал. Только зеленые высотки, голубое небо, желтый песок под руками — все вдруг стало кроваво-красного цвета, через мгновение превратилось в звенящую, бескрайнюю, ослепительно белую пустыню, а потом нахлынул мрак. И немая тишина.

Очнулся через много дней далеко от Бреста — в Харькове. Сначала в неподвижную, кромешную, душную, черную бездну проник слабый звук — собственный стон. Постепенно болезненная пустота сознания начала гудеть и лопаться: обычные звуки госпитальной палаты отзывались в израненной, контуженой голове оглушительными выстрелами и взрывами. Но боль — это жизнь. А если жизнь еще теплится, то за нее надо и самому бороться, помогать врачам.

В госпитале его называли счастливым. Это же надо: кроме таких ран на голове, еще изрешеченные осколками руки и нога, страшная потеря крови, а он живет. «Если из такой переделки выкарабкался, значит, долго еще жить будешь, судьба для больших дел сберегла», — успокаивали его. Но сколько бы ни тянулось теперь это «долго», оно навсегда стало для него пустым, черным, безглазым. Одно это могло испугать и отвратить от жизни.

— И начались раздумья, — Владимир Иванович вздыхает, вспоминая

вершины духа. Достигнуть, начав свое движение не как мы с вами, во всеоружии своих способностей и благоприятных условий, а из тупика, вычеркнутый, казалось бы, войною из списков людей, способных на наполненную, счастливую жизнь.

— Раздумья поневоле заняли место радостей жизни, которых я был лишен в то время. Для начала надо было понять, чем я располагал для дальнейшего существования. Прежде всего — характер. Ребята моего поколения имели одно общее качество: мы были энтузиастами и во всем хотели быть первыми, лучшими, самыми надежными. Это давалось большим трудом, потому так высоко ценились результаты этого труда, потому так уважали мы своих мальчишеских лидеров — они были лучшими. Кстати сказать, значки ГТО, которые сейчас никому не придет в голову повесить на костюм, мы надевали вместе со значками «Ворошиловский стрелок», как ордена, настолько они трудно доставались и высоко ценились. Так что энтузиазм да еще высокий, искренний патриотизм затмевали в нашем юношеском сознании все остальные черты характера, да и человеческие качества. По-моему, благодаря именно этим убеждениям мое поколение и вынесло весь ужас и тяжесть войны.

Мне было 21 год, когда ослеп. Но я уже стал мужчиной, довольно много претерпевшим в жизни. Второе, что у меня было в запасе, — жизненный опыт. В войну был пулеметчиком, танкистом, разведчиком, трижды ранен, получил медали и ордена, прошел от Сталинграда до Бреста. До того, как надел шинель, было не легче. Работал бригадиром комсомольско-молодежной фронтовой бригады на тракторном заводе. Десны кровоточили, ноги опухали от недоедания. Девушки моей бригады не отходили от станков и во время налетов. На крыше цеха бьют зенитные пушки, вокруг разрывы бомб, девушкам

страшно до слез, а они стоят и работают. Подобное не забывается. Такой опыт укрепляет веру в людей. И я верил и верю в них, не выжил бы, если б не верил. Человек рождается для счастья, он создан для него, но вот ведь какое дело: оно не приходит, если будешь просто мечтать и уговаривать: «Счастье, приди». Ощущение счастья рождается как результат действия: помоги стать счастливыми ближним — и окажешься счастливым сам, так всегда выходит. Много людей помогало мне преодолеть беду, а я, что мог, делал для людей и только поэтому добился чего-то в жизни. А если бы ушел в свою боль, только жалел себя и эгоистично рассчитывал бы на жалость других, то опустился бы и, наверное, уже бы и не жил.

Смотрю я на Владимира Ивановича, слушаю его спокойную, как бы даже стесняющуюся высоких слов речь и понимаю, что ослепший в два-

СЧАСТЬЯ

дцать один год солдат вряд ли хорошо осознал все то, о чем мы сейчас говорим. Но, видно, инстинктивно ощутил в себе эти стержни, опоры, от которых можно было оттолкнуться и уйти в большую жизнь: неугомонный характер, опыт преодоления, казалось бы, нечеловеческих трудностей и веру в людей, в свой народ. Много эго или мало? Мало, если человек замкнется в себе, остановится, решив, что хватит — намучился. Достаточно, если изберет единственно возможным условием своего существования — деятельность, цель которой — развитие своих способностей на пользу другим людям.

Не сразу было принято решение. В госпитальной палате время так неминуемо растягивается, что, не выдерживая собственного количества, останавливается. Кажется, что и жизнь за стенами затормозилась, а здесь, среди больничных коек, свелась

к перевязкам, приему пищи, грубоватым шуткам соседей и слабой надежде, что все это когда-нибудь наконец кончится.

Но однажды на утреннем обходе он попросил врача принести ему азбуку для слепых.

— Хочу освоить. Нужно...

— Зачем это тебе? — пожимали плечами соседи, когда врач вышел. — Читать хочешь научиться? Эх, тебе теперь всегда кто-нибудь другой читать будет. Погоди, браток... Где сиделка? Тетя Нюра, иди почитай Коленову — истомился.

— Да нет, я учиться надумал, в институте. Надо уметь хоть как-то самому читать.

— Ты что, рехнулся? Нет же институтов для слепых. Кто тебя учить будет?

— Научат... Если захочу!

Мог бы — заплакал от обиды на свое бессилие и ненужность. Но принятое решение уже завладело сознанием, сердце подсказывало — правильно надумал. Кому он нужен такой? Только матери. Братишка погиб в Сталинграде. Ну хорошо, пока она жива, будет ходить за ним, тянуть, нянчить. А потом? И, забредя в этот тупик, вдруг понял — он должен стать *нужным* людям. А как? Да учиться хорошенько, так овладеть знаниями, чтобы стать полезным другим. Представил вдруг, что вот он, например, учитель. Сидят ученики, слушают, верят ему, с уважением задают вопросы, а он им открывает светлые горизонты человеческой мудрости... Горло сдавило от невыразимой тоски, что он до этого никогда не доживет. Тогда и пришло решение и какое-то злое облегчение. Злое, потому что сказал самому себе: «Ну, Владимир, смотри... Не пощажу, загоноу, как дряхлую клячу, или будешь ты у меня ученым». После недолгих колебаний выбор пал на историю. Любимые биология, математика, физика казались тогда для слепого и впрямь закрытыми. А история: он же ее творил, так что учить ей уж точно имел право.

В Сталинград вернулся с незатянувшейся раной на ноге. Встретила его

мать, тоже ставшая инвалидом: перебитые осколком кости руки неправильно срослись. Она поняла решение сына, поддержала. Мать Владимира Коленова была учителем и после Сталинградской битвы помогала создавать первые школы в уничтоженном городе, учила детей, многие из которых не знали букв, но с одного взгляда определяли систему оружия. Она то и передала Володе его «клад». Уходя из города, он зарыл два ящика книг, среди них и Собрание сочинений Ленина. Эти книги, вошедшие в его сознание через материнский голос, стали первой ступенью бесконечного восхождения к высоким знаниям.

Сталинград 1944-го... Невыжженные клочки земли можно было найти, только расчистив развалины, под горами кирпичей от первых бомбежек. Город-рана, город-герой... Слепой юноша не бросался здесь в глаза, многим досталась худшая доля. А все, кто выжил, хотели жить, хоть как-нибудь, но дожить до Победы, до мирной тишины, до белого хлеба и анютиных глазок на газонах под окнами. У Владимира были руки, ноги и мать, заменившая ему глаза. И была цель, силы и годы на ее достижение. У скольких тогда этого богатства не хватало. Тем более он должен был использовать шанс, рассчитанный на тысячи, а доставшийся ему одному.

В город вернулся из эвакуации педагогический институт. Вот он, момент из госпитальных грез: Коленов в выглаженной гимнастерке сидит в аудитории, перед ним профессор. «Здравствуйте, товарищи студенты. Начнем нашу лекцию...» Восхождение в жизнь продолжалось. Пришлось переходить от хорошей в прошлом зрительной памяти к слуховой. Что скрывается за этими словами? Занятия по восемнадцать часов в сутки, отказ от всего не связанного с учебной, вместо отдыха придумывание новых способов индивидуального обучения. Он не задумывался над тем, как выдерживает такой изнурительный темп жизни. А окружающие удивлялись его одержимости, хотя сами были из породы одержимых и равнялись на него. Он был отличником, был лучшим, все восприняли как должное назначение ему высшего отличия студента в то время — Сталинской стипендии. Вгрызался во все без исключения учебные предметы, удивлял своей усидчивостью в изучении иностранных языков. В школе по немецкому получал жиденькие троечки, теперь же шел только на «отлично», кроме немецкого, выучил французский. А на четвертом курсе начал учить польский язык и к окончанию института знал его в совершенстве.

Преподаватели прекрасно знали цену его диплома, верили в его способности, потому сразу же после выпускных экзаменов Коленов был рекомендован в педагогическую аспирантуру.

Еще три года изнурительного труда во имя светлой цели, и — о, какой это был год — 1953-й! Аспирант стал кандидатом исторических наук, преподавателем Волгоградского института инженеров городского хозяйства.

